

Из истории «Словаря русского языка XI–XVII вв.» (замечания о неопубликованном рукописном отзыве академика О. Н. Трубачева о научном докладе А. Н. Шаламовой)

М. И. Чернышева

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия);
chernysheva@bk.ru

Аннотация. В работе показан фрагмент истории развития «Словаря русского языка XI–XVII вв.» (СлРЯ XI–XVII вв.), который прошел сложный путь от научно-популярного лексикона первых выпусков до подлинно академического словаря последних томов. Исследование содержит разбор неопубликованного рукописного отзыва академика О. Н. Трубачева о научном докладе А. Н. Шаламовой, где Трубачев проводит анализ ее авторской работы в двух выпусках (СлРЯ XI–XVII вв.) — 11-м (1986) и 21-м (1995), — которую он высоко оценил. Отзыв представляет собой аналитический (в небольшой степени — критический) разбор лексикографического труда, построенный на сравнительном лексическом материале древнерусского и славянских языков с привлечением праславянских данных. Помимо конкретных наблюдений, касающихся значения слов с начальным *не-* и др., в отзыве содержатся рассуждения о методологии работы в исторических и этимологических словарях, способах установления семантики, процедурах реконструкции и др. Изучение отзыва позволило выделить такие категории научного метода Трубачева, используемые им для лексического анализа, как «зона неизвестного», «нежесткие параметры словаря», «проверочные критерии научной реконструкции», «ряд и множество», «открытое множество» и др., а также показать, как Трубачев оперирует «универсалиями» — «убывающими и одновременно живыми» — при изучении диахронического развития языка. В приложении публикуется отзыв О. Н. Трубачева, содержащий ценную информацию, которая имеет большое значение для специалистов в области славянской этимологии и исторической лексикологии и лексикографии русского

языка. В этой работе О. Н. Трубачев сделал целый ряд уникальных наблюдений, до сих пор не известных в науке.

Ключевые слова: русская историческая лексикография, славянская лексикография, этимология, семантика.

From the history of the “Dictionary of the Russian Language of the XI–XVII centuries” (comments on an unpublished handwritten Review by Academician O. N. Trubachev on A. N. Shalamova’s scientific report)

M. I. Chernysheva

V. V. Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); chernysheva@bk.ru

Abstract. The paper covers a fragment of the intricate history of the “Dictionary of the Russian Language of the XI–XVII centuries” (DRL XI–XVII c.) which has passed a long way from the popular-science lexicon it was in its first issues to a solid academic dictionary as we know it today. The paper proposes an analysis of the unpublished handwritten “Review” by Academician O. N. Trubachev of A. N. Shalamova’s report. In his manuscript, Trubachev gives a high mark to her research published in the Issues 11 (1986) and 21 (1995) of the DRL XI–XVII. The Review is an analytical and to an extent critical assessment of her lexicographic research based on a comparison of Old Russian and Slavic (including some Proto-Slavic) lexical material. In addition to specific observations on the meaning of *ne-* words and some other lexemes, the review proposes a discussion of approaches to work with historical and etymological dictionaries and deals with the ways to establish word meanings, reconstruction procedures, etc. This study of the Review revealed such categories of Trubachev’s approach to lexical analysis as “the unknown domain”, “non-rigid dictionary parameters”, “verification criteria for scientific reconstruction”, “a series and a set”, “an open set”, etc. It also demonstrates the way Trubachev handles “universals” that are “declining while remaining active at the same time” in his study of diachronic language development. Trubachev’s Review, appended to the paper, contains information that may be valuable for experts in Slavic etymology and Russian historical lexicology and lexicography. It includes a number of unique, previously unknown observations by O. N. Trubachev.

Keywords: Russian historical lexicography, Slavic lexicography, etymology, semantics.

В память о выдающихся коллегах-лексикографах — О. Н. Трубачеве (1930–2002) и А. Н. Шаламовой (1928–2009)

1. Введение. О. Н. Трубачев и А. Н. Шаламова

Академик Олег Николаевич Трубачев не нуждается в представлении, его вклад в мировую славистику и индоевропеистику бесспорен (о нем: [Трубачев 2009; Чернышева 2003]). Практически все работы О. Н. Трубачева были опубликованы при жизни автора или вскоре после его кончины, поэтому нечаянным подарком кажется обнаружение в 2020 году неопубликованной рукописи отзыва о научном докладе А. Н. Шаламовой, совпавшее с 90-летием Олега Николаевича.

Анна Николаевна Шаламова (Добромыслова), краткие сведения о жизни которой можно найти в «Библиографическом словаре», посвященном создателям Картотеки «Словаря русского языка XI–XVII вв.» [Справочный выпуск: 241]), — специалист по истории русского языка, крупный историк-лексикограф, ей принадлежит огромный объем словарных статей в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» [СлРЯ XI–XVII вв.], над которым она работала с 1962 г. после прихода в академический Институт русского языка. Среди этого массива — два так называемых «авторских тома» (выпуска) СлРЯ XI–XVII вв. — 11-й (1986) [СлРЯ XI–XVII вв. 11] и 21-й (1995) [СлРЯ XI–XVII вв. 21] — уникальный факт в практике коллективного составления словарей. Только в этих выпусках объем ее работы составляет: 4516 словарных статей в 11-м выпуске и 2043 словарные статьи в 21-м, что занимает соответственно 456 и 280 страниц, в общей сложности — 736 печатных страниц двухколоночного убористого набора. Необычным для практики СлРЯ XI–XVII вв. стало еще и включение в Предисловия этих выпусков положений теоретического

характера, изложенных А. Н. Шаламовой для обоснования принятых лексикографических решений. Такой шаг положил начало созданию аналитической части Предисловий СлРЯ XI–XVII вв.

Способом отметить заслуги А. Н. Шаламовой стала состоявшаяся в 1996 г. в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН беспрецедентная защита докторской диссертации по докладу «Словарь русского языка XI–XVII вв.: проблемы и результаты (на материале двух авторских томов)», где в качестве диссертационного тома были представлены два выпуска Словаря. Одним из рецензентов на этой уникальной защите был академик О. Н. Трубачев¹, копия рукописного отзыва которого недавно была обнаружена в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН. С разрешения Г. А. Богатовой, вдовы О. Н. Трубачева, этот отзыв приводится ниже.

После защиты докторской диссертации лексикографическая деятельность Анны Николаевны активно продолжалась. Светлой памяти А. Н. Шаламовой посвящен 29-й выпуск Словаря (2011) [СлРЯ XI–XVII вв. 29].

В конце брошюры, в которой был опубликован доклад А. Н. Шаламовой по ее докторской диссертации, перечислены словарные статьи, вошедшие в коллективные тома СлРЯ XI–XVII вв. [Шаламова 1996: 50]. Общий объем ее работы в следующих выпусках: первом (1975), четвертом (1977), пятом (1978), восьмом (1981), десятом (1983), 12-м (1987), 14-м (1988), 17-м (1991) — составил 46 усл. печ. л. Там же, в перечне, озаглавленном «Работы по проблемам лексикологии и лексикографии», были указаны следующие публикации [Шаламова 1985: 142–146, 1986: 101–105, 1989: 67–78].

Добавим (этот факт теперь уже мало кому известен), что в семье Шаламовых велись работы структурного характера по анализу мировых языков, в которых она принимала активное участие. Общее представление об этой деятельности можно составить по публикации мужа Анны Николаевны: [Шаламов и др. 1983].

¹ Второй оппонент — доктор филологических наук, профессор Ф. П. Соколов, третий оппонент — доктор филологических наук, профессор Р. М. Цейтлин.

2. Отзыв О. Н. Трубачева: методология, оценка деятельности А. Н. Шаламовой

Если говорить собственно об отзыве О. Н. Трубачева, то его значимость выходит за пределы официального отклика, который — при высокой оценке научных достижений А. Н. Шаламовой — представляет собой аналитический (в небольшой степени — критический) разбор лексикографического труда, построенный на сравнительном лексическом материале древнерусского и славянских языков с привлечением праславянских данных. Помимо конкретных наблюдений в отзыве содержатся рассуждения о методологии работы в историческом и этимологическом словарях, которые позволили рецензенту показать, как можно достичь оптимального способа определения лексической семантики и экономного ее выражения.

В связи с особенностями формирования СлРЯ XI–XVII вв., проявившимися в постепенном отходе от первоначальной концепции, необходимо отметить, что в своем отзыве О. Н. Трубачев оценил вклад Анны Николаевны в новый этап совершенствования Словаря. Наблюдения за меняющейся типологией СлРЯ XI–XVII вв. в момент перехода от научно-популярного лексикона начала издания к подлинно академическому² позволили О. Н. Трубачеву назвать этот процесс «отрядным прогрессом» (л. 2 рукописи).

Мало того, отмечая творческий и даже «пионерский» характер лексикографической деятельности (л. 1 рукописи), в первую очередь в сфере исторической и этимологической лексикографии³, когда открываются «новые пути и новые уровни» (л. 2), О. Н. Трубачев особо выделил вклад А. Н. Шаламовой в совершенствование русской

² Этой теме посвящена наша работа «Итоги 45-летнего издания “Словаря русского языка XI–XVII вв.”» [Чернышева 2020: 9–40].

³ В отзыве слышны отголоски дискуссии 80-х годов прошлого века о несовпадении воспроизведения истории слова в этимологической и исторической лексикографии, ограниченной, по мнению Трубачева, письменными фиксациями [Трубачев 1984; то же — Трубачев 2004].

исторической лексикографии в целом: «⟨...⟩ говоря о семантической схеме словарных статей, мы не можем не прийти к выводу о чрезвычайной разработанности этой схемы именно трудами А. Н. Шаламовой, благодаря которой мы наблюдаем новый уровень нашей исторической лексикографии» (л. 16 рукописи).

3. Аналитический разбор описания лексики в 11-м и 21-м выпусках СлРЯ XI–XVII вв.

В связи с разбором 11-го выпуска СлРЯ XI–XVII вв. (л. 3), где преобладают лексемы с приставкой *не-*, О. Н. Трубачев говорит о синонимичности сложений на *не-* и *без-* и отмечает, что это явление наблюдается также в процессе исторического развития других славянских языков, ср. ст.-чеш. *necěstie* ‘бездорожье’ = соврем. чеш. *bezcestí*, и отмечает, что этот факт (как и семантическая близость начальных *не-* и *раз-*, *не-* и *от-*) нашел отражение в практике составления «Этимологического словаря славянских языков», создателем которого он был [ЭССЯ].

Из многочисленных примеров анализа конкретных случаев упомянем один: разбираемую им статью [*невѣи*] (мн.) ‘неваяный хлеб’ [СлРЯ XI–XVII вв. 11: 34], где для доказательства исходной формы *невѣя*, ж. О. Н. Трубачев предложил целый историко-лексикологический очерк, в который вошли и уменьшительное *невѣйка*, и диалектный материал (русское диалектное *невѣя* ж. р. ‘мука разных сортов’), и древнерусское личное имя собственное *Невѣя*, что, в конечном счете, по словам автора, «послужило нам в ЭССЯ основанием для реконструкции словарной позиции в форме **nevěja*» (л. 7–8 рукописи).

Обращаясь к вопросу о так называемом «избыточном отрицании» в русском языке — «ведь нерусскому кажется “избыточным” русское двойное отрицание, закономерное для нашего языка, типа: я ничего не хочу»⁴ (л. 4), О. Н. Трубачев замечает, что «то, что сейчас может

⁴ Здесь и далее в цитатах воспроизводится подчеркивание, используемое в рукописи отзыва.

показаться избыточным, двойное отрицание — в том числе, оказывается, весьма характерно для многих языков, даже для тех, в которых оно потом было преодолено, как в немецком, и вообще повтор отрицания есть не что иное, как частный случай проявления повторов, как правило — служебных слов, в подлинно народной речи, ориентированной первоначально и по преимуществу на устное восприятие». Таким образом, по словам Трубачева, «перед нами **универсалия, убывающая и одновременно живая**» [здесь и далее выделение наше. — М. Ч.]

В отзыве находится несколько исследовательских очерков, в которых на ярких примерах автор демонстрирует богатый потенциал исторической лексикографии, которая «дает возможность не только установления контекстов эволюции лексических значений, но и документации драматических утрат отдельных звеньев, а также ощутимого разрушения целых словарных гнезд» (л. 19 рукописи) — *ношебный* от не отмеченных нигде **ношьба*, **носьба*; *ноение* как закономерное русское развитие первоначальной фонетической формы **ныение* (л. 21 рукописи).

О. Н. Трубачев особо подчеркивает «острую нужду» научной реконструкции в проверочных критериях. И утверждает, что «лучшие из них — те, которые представляет сам язык в моделях, бесконечно воспроизводимых им на протяжении истории» (л. 23 рукописи).

4. Критериальные характеристики

Завершая характеристику «алфавитного ряда на *не-*», О. Н. Трубачев отмечает, что этот лексический пласт, «будучи по праву довольно представительной частью русского словарного состава, древнего и нового... разделяет и те критериальные характеристики ряда и множества, точнее — открытого множества, которые наиболее адекватно подходят для определения всего словаря» (л. 5 рукописи).

В связи с этим Олег Николаевич затрагивает проблему «критериальности <...> **широких, нежестких параметров словаря**», которые он противопоставляет «попыткам подогнать словарь обязательно под

понятие системы» (л. 5 рукописи). Такие попытки, по его мнению, «либо не могут приниматься всерьез (как утверждение, что твердая алфавитная позиция слова в словаре будто и есть доказательство системности словаря (?), либо вообще голословны, и дело не идет дальше констатации (...) — пар, оппозиций, групп слов» (л. 6 рукописи). Он предлагает «разумно удовлетвориться, признав за словарем **статус открытого множества, находящегося в вечном движении**».

Олег Николаевич выделяет роль Словаря (с большой буквы) «как критерия для суждений о разных уровнях языка, будь то грамматика (морфология), словообразование, фонетика или семантика». По его словам, «обратная связь этих отношений, собственно, и обеспечивает **авторские подходы к словарным задачам** определения базовой формы слова, заголовочного слова словарной статьи» (с. 6 рукописи). Трубочев высоко оценивает именно эту сторону оригинальной авторской деятельности А. Н. Шаламовой.

Один из ключевых моментов отзыва Трубочева — его обращение к проблеме **полноты словника**. Он обнаруживает, что «тридцать три слова / словарных статьи, привлечших (...) внимание, включены в СлРЯ впервые, в “Материалах” Срезневского⁵ их нет». «Автор, — заключает Трубочев, — вступал в **зону неизвестного** или малоизвестного материала, шел **еще не проторенными путями**» (л. 8–9 рукописи).

5. Итоговые замечания

В связи со сформулированной Трубочевым категорией «зона неизвестного» (о «непроторенных путях»), нельзя не обратить внимание на то, что, разбирая конкретный материал, ученый всегда в то же самое время находится на другом уровне, мыслит более крупными понятиями, отсюда и отмеченная выше категория «зона неизвестного», и выделение «универсалий» — «убывающих и одновременно живых», и указание на «проверочные критерии», в которых «остро нуждается»

⁵ [Срезневский 1893–1912].

научная реконструкция, и подчеркивание «критериальности ⟨...⟩ широких, жестких параметров словаря», а также использование характеристик ряда и множества, и, наконец, определение Словаря (с большой буквы) как «открытого множества»: «Словарь — открытое множество, находящееся в вечном движении» (л. 6 рукописи).

Для профессионального лексикографа дорого не просто уважительное отношение Трубачева к отмеченному в отзыве «авторскому подходу к словарным задачам», но выделение его как единственно значимого.

В отзыве несколько раз звучат высказывания о лексикографической деятельности: «Словарная деятельность, лексикография, — это труднейший род лингвистических работ и подчас единственный верный критерий многих наших теорий и истин», «рутинную коннотацию ⟨...⟩ понятия — “составление словаря” ⟨...⟩ усматривают, естественно, те, кто далек от словарной работы» (л. 1–2 рукописи).

Как и другие работы, отзыв продемонстрировал не только способность Трубачева по-новому увидеть и оценить анализируемый материал, но, что особенно значимо, масштабность его мышления, позволяющую ученому выходить за пределы конкретных фактов и, раздвигая горизонт очевидного, подниматься на более высокий уровень широких обобщений и глубоких выводов, увлекая за собой своих читателей и слушателей.

Приложение

О. Н. Трубачев

[л. 1] **Отзыв о научном докладе А. Н. Шаламовой «Словарь русского языка XI–XVII вв.: проблемы и результаты (на материале двух авторских томов)» и выпусках 11 и 21 СлРЯ XI–XVII вв. в авторском монографическом исполнении**⁶

Отзыв подготовлен к печати М. И. Чернышевой

⁶ Несколько слов о самой рукописи «Отзыва» О. Н. Трубачева и предварительные замечания, касающиеся его воспроизведения. В рукописи 25 листов. Про-

Свой отзыв я позволю себе начать с того, что обращаю внимание на важное и необычное обстоятельство. Мы присутствуем на незаурядном событии, когда не только выставляется на обсуждение значительное итоговое достижение нашего коллеги-русиста, но и в сам наш научный обиход вводится новая форма представляемых работ. Организаторы науки, наконец, добились понимания со стороны ВАКа и других директивных инстанций того — очень давно, впрочем, очевидного — факта, что словарная деятельность, лексикография, этот труднейший род лингвистических работ и подчас единственный верный критерий многих наших теорий и истин, заслуживает научной аттестации⁷ ввиду своего несомненно творческого и, можно сказать, пионерского характера. Именно эта оценка приложима к лексикографическому труду Анны Николаевны Шаламовой, не только огромному по объёму опубликованного ⟨материала⟩⁸ (40 + 25 = 65 а. л., за которыми [л. 2] ещё стоит не меньший объём и опыт участия в многочисленных предыдущих томах), но и действительно ⟨пролагающему⟩⁹ новые пути и ⟨создающему⟩¹⁰ новые уровни, открывающиеся нам в результате такого труда. В дальнейшем я постараюсь показать конкретно, в чём я вижу эти новые пути и как понимаю новые

нумерованный автором текст написан, как это свойственно Олегу Николаевичу, прекрасным четким почерком почти без правки. Публикация точно воспроизводит оригинал (подчеркивание, последовательное использование буквы «ё» и др.). Единственное исключение (в соответствии с издательскими правилами) — курсивное выделение слов. В рукописи, подготовленной О. Н. Трубачевым не для издания, а для устного выступления на Ученом совете, в некоторых случаях отсутствует библиографическое описание цитируемых научных трудов. Соответствующие сведения (вместе с минимальным комментарием) помещаются в сносах публикации. В квадратных скобках указывается лист рукописи.

⁷ На этом особенно настаивала и добивалась признания в форме присуждения научной степени Г. А. Богатова, возглавлявшая в то время отдел исторической лексикологии и лексикографии Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

⁸ Вставлено нами. — М. Ч.

⁹ Вставлено нами. — М. Ч.

¹⁰ Вставлено нами. — М. Ч.

уровни исследовательской работы Анны Николаевны, одного из тех заслуженных составителей Словаря, благодаря которым оказался возможным тот отрядный прогресс от первых выпусков Словаря к последующим выпускам, которого нельзя не видеть.

Сама рутинная коннотация этого понятия — «составление словаря», в которой наибольшее преткновение усматривают, естественно, те, кто далёк от словарной работы, (а также)¹¹ сам внешний фактор произвольности алфавитного порядка, обычно принятого в словарях, успешно на сей раз преодолеваются Шаламовой-исследователем. Я имею в виду то, что центром своего исследовательского и составительского внимания Шаламова избрала тематический отрезок русского словаря — отрицание **не-** и образования с ним, крупнейший и важнейший с точки зрения характеристики русского языкового развития вообще. Рамки представленного труда Шаламовой, конечно, шире обозначенного тематического ограничения, которое само при ближайшем рассмотрении часто перерастает свои границы, — явление, интересующее и нашу соискательницу, ср. синонимичность сложений на *не-* и на *без-* (и то, и другое знаменует «отвръжение», как стоит в старом тексте, см. СлРЯ... , в. 11, 8), [л. 3] синонимичность, наблюдаемую и в других славянских языках в их истории, ср. ст.-чеш. *nečestie* ‘бездорожье’ = соврем. чеш. *bezcestí*, и достаточно отражённую в практике составления нашего Этимологического словаря славянских языков¹², отрезок которого на *NE-* готов, но пока ещё не увидел свет, ср. оттуда **nenadějъnъ* = **beznadějъnъ*, **nepřěť* = **bezpřěť*, далее отмечаемые отношения русск. диал. *непѹтица* и соврем. русск. *распѹтица*, то есть уже *не-* и *раз-*, и, наконец, факт отношения **neroka* (на базе древнепсковского названия няньки, кормилицы, отмечаемого и в СлРЯ..., в. 11, 277) и **ot(ъ)rokъ* как названия малолетнего дитяти, то есть на этот раз близкое употребление *не-* и *от-*. Возвращаясь к центральному тематически единому материалу Шаламовой на *не-* (СлРЯ..., в. 11, 8–362: *не* — *неятъе*), я хочу сказать, что счёл возможным и даже

¹¹ Вставлено нами. — М. Ч.

¹² [ЭССЯ].

поучительным избрать его в качестве центрального также для настоящего своего отзыва.

Затрагивая отрицание и способы его выражения, мы касаемся одной из кардинальных характеристик языка / языков и речи. Во взглядах на эту характерную особенность, в частности русского языка, имеются свои привычные традиции, не всегда проверенные со стороны истории и типологии или нуждающиеся в такой проверке. Впрочем, здесь уместно напомнить справедливое нареkanie А. Н. Шаламовой по поводу недостаточной ещё изученности грамматического строя древнего языка в сравнении с современным. Сказано это было в связи с трудностью разграничения *не-* приставочного и частицы *не* (см. СлРЯ..., в. 11, 4: Предисловие), но может быть распространено и на [л. 4] другие случаи трактовки отрицания, включая такую современную оценочную терминологию, как «избыточное отрицание» (ведь нерусскому кажется «избыточным» и русское двойное отрицание, закономерное для нашего языка: я ничего не хочу). А между тем то, что сейчас может показаться избыточным, двойное отрицание — в том числе, оказывается, весьма характерно для многих языков, даже для тех, в которых оно потом было преодолено, как в немецком, и вообще повтор отрицания есть не что иное, как частный случай проявления повторов, как правило, служебных слов, в подлинно народной речи, ориентированной первоначально и по преимуществу на устное восприятие (см. W. Havers. Handbuch der erklärenden Syntax. Heidelberg, 1931. S. 119). Таким образом, перед нами универсалия, убывающая и одновременно живая.

Приставка *не-* весьма характерна для русского словообразования и вообще для русского словарного материала. Если мы обратимся к русской ономастике, то для неё наличие отрицания *Не-* вообще специфично, и это отнюдь не банальная истина, ради неё, например, Фасмеру пришлось неоднократно выступать в печати, чтобы преодолеть скепсис рецензента и полнее показать материал «отрицательных» водных и местных названий России — все эти довольно самобытные *Нетрубеж, Неволга, Немда, Нерехта, Неручь, Неглинная, Непрядва, Нежеголь* (перекликающееся с тождественным

древнерусским апеллятивом¹³ у А. Н. Шаламовой, о котором специально — далее), *Нередицы* и другие, которым никак не откажешь в древности [л. 5] (см. М. Vasmer. The meaning of Russian river names. — Oxford Slavonic Papers 6, 1956, 44 и сл.; idem. Verneinende geographische Namen im Ostslavischen. — Studi in onore di E. Lo Gatto e G. Maver, 1962, 667 и сл.; Russisches geographisches Namenbuch, begründet von M. Vasmer. Bd. VI, Lief. 1. Wiesbaden, 1971. S. 109 и сл.). Кстати заметим, поскольку сложения с отрицанием включают также образования на *ни-*, которыми специально занимается Шаламова и к которым мы также обратимся ниже: ономастика, русские географические названия на *Ни-* этимологическое практически полностью отсутствуют, по имеющимся у нас данным. В целом, даже если оставить в стороне вопрос о несобственных значениях приставки *не-* отрицательное (а это сравнение, преувеличение, табу, которых касается наш ЭССЯ на примерах **neručь*, **nevodь* и других), словарный отрезок на *не-* СлРЯ XI–XVII вв. выступает как внушительный ряд русской лексики, книжной и народной, множество, далёкое от однообразия, мысль о котором он мог бы вызвать при поверхностном наблюдении.

Будучи по праву довольно представительной частью русского словарного состава, древнего и нового, алфавитный ряд на *не-* разделяет и те критериальные характеристики ряда и множества, точнее — открытого множества, которые наиболее адекватно подходят для определения всего словаря. О критериальности упомянутых широких, нежёстких параметров словаря уместно вспомнить в противовес попыткам подогнать словарь обязательно под понятие системы, которые [л. 6] либо не могут приниматься всерьёз, как утверждение французского лексикографа Жозетты Рей-Дебов (Josette Rey-Debove), что твёрдая алфавитная позиция слова в словаре будто и есть доказательство системности словаря (?), либо вообще голословны, и дело не идет дальше констатации внутри фрагментов — пар, оппозиций, групп слов, чем было бы разумно удовлетвориться, признав за словарем статус открытого множества, находящегося в вечном движении.

¹³ В рукописи: апеллятивом.

Трезвый практик и теоретик словарного дела, А. Н. Шаламова употребляет научную терминологию взвешенно, никогда не злоупотребляя ею, как это бывает. Показательно, что слово «система»¹⁴ она применила к словарю только один раз, если я правильно заметил, и с необходимыми оговорками: «Словарь, находящийся в процессе составления, — развивающаяся система» [Шаламова 1996: 39¹⁵]. Автор вполне отдаёт себе отчёт в роли словаря как критерия для суждений о разных уровнях языка, будь то грамматика (морфология), словообразование, фонетика или семантика. Ср. хотя бы рассуждения о проблеме развивающихся категорий [Шаламова 1996: 23¹⁶ и сл.]. Обратная связь этих отношений, собственно, и обеспечивает авторские подходы к словарным задачам определения базовой формы слова, заголовочного слова словарной статьи. Словарная практика А. Н. Шаламовой при этом в большинстве случаев вправе встретить понимание со стороны читателя и одобрение рецензента (оппонента), как в данном случае, даже если последний иначе отнёсся бы к трактовке отдельных примеров. У меня, скажем, нет уверенности в том, что наречное употребление именной [л. 7] падежной формы стоило обязательно давать как отдельную статью в примерах *небреженьемь*, нареч. (СлРЯ..., в. 11, 11; в остальном — то же значение, что и в ст. *небрежение*); далее — *небреженьемь*, нареч. (СлРЯ..., в. 11, 22), отдельно от *небрежение*; *неволею*, нареч. (СлРЯ..., в. 11, 55), отдельно от *неволя*, ж. (СлРЯ..., в. 11, 57; кстати, Старославянский словарь под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой даёт наречное *неволенѣ* внутри статьи *неволя*¹⁷); *неправдою*, нареч. (СлРЯ..., в. 11, 239), отдельно о ст. *неправда*, ж. (СлРЯ..., в. 11, 238).

¹⁴ Кавычек в оригинале нет.

¹⁵ Пагинация исправлена автором, первоначально ошибочно — 30. Далее тоже более поздняя правка пагинации, это заставляет предположить, что О. Н. Трубачев при подготовке своего выступления пользовался предыдущей (неопубликованной?) версией доклада А. Н. Шаламовой.

¹⁶ Пагинация исправлена, первоначально — 13.

¹⁷ [Старославянский словарь: 360].

«Инструкция для Составителей Словаря русского языка XI–XVII вв.» (ИРЯ АН СССР. М., 1988, 20¹⁸) подобное выделение не рекомендует.

Несколько особого рода трудности (и автор сознает это, откуда квадратные скобки вокруг заглавного слова) в статье [*невѣи*, мн.] Невеяный хлеб... (СлРЯ..., в. 11, 34). Уже судя по форме заглавного *невѣйка*, ж. Невеяный хлеб, зерно с мякиной (на той же странице), в качестве предыдущей заглавной формы должно было бы быть *невѣя*, ж., от которого непосредственно произведено и ум. *невѣйка*. Конечно, трудность заключалась еще и в том, что слова не было у Срезневского¹⁹ (о чём мы будем ещё говорить), автор включил его впервые, идя новыми путями и решая конкретно проблему полноты словаря, о чём специально ниже. И всё-таки в данном случае мы с различных сторон имеем свидетельства о предпочтительности здесь заглавной формы *невѣя*, ж. р. ед. ч. Это и древнерусское личное имя собственное *Невѣя* (1539 г., Тупиков 324²⁰), и русск. диал. *невѣя* ж. р. ‘мука разных сортов’ (Филин, СРНГ, вып. 20²¹), что в совокупности послужило нам в ЭССЯ [л. 8] основанием для реконструкции словарной позиции в форме **nevěja* (ркп.)²².

Проблема полноты словаря, которая у нас сейчас решается применительно к истории русского языка наиболее эффективно, на всю длину старописьменной истории, именно в продолжающемся СлРЯ XI–XVII вв., имеет в лице А. Н. Шаламовой одного из своих самых неустанных ревнителей, о чём свидетельствуют также с. 33 и сл. «Доклада». Конечно, для всех, кто этим занимается, точкой отсчёта служит Срезневский. Я не берусь здесь оперировать данными исчерпывающего сравнения двух словарей, которое показало бы разницу в полноте наиболее красноречивым образом, речь

¹⁸ [Инструкция 1988].

¹⁹ [Срезневский 1893–1912].

²⁰ [Тупиков 1903: 324].

²¹ [СРНГ 20, 1985].

²² Во время написания «Отзыва» ЭССЯ на этот алфавитный отрезок еще не был издан. Слово описано в 25 выпуске [ЭССЯ 1999: 67].

идёт о труде одного из авторов-составителей. Тем не менее эти данные тоже впечатляют. На отрезке *не-* — *ни-* (включая *нов-*) СлРЯ XI–XVII вв. отмечены несколько десятков новых словарных включений. Должен оговориться, что наблюдение моё осложняется некоторыми обстоятельствами. Дело в том, что я, собственно, сначала и не ставил перед собой задачи обязательно точно выяснить — насколько в авторском отрезке Шаламовой больше слов сравнительно со словарём Срезневского; меня интересовал прежде всего труд Шаламовой как лексикографа, её трактовка слов и их значений. Признаюсь, что наиболее пристальное моё внимание было обращено на случаи, когда толкование было чем-либо затруднено, вплоть до его отсутствия и выразительной замены вопросительным знаком — (?). Только после этого я открывал словарь Срезневского. Результат так или иначе заслуживает интереса: оказалось, что тридцать три слова / словарных статьи, привлёкших моё [л. 9] внимание в указанном выше смысле, включены в СлРЯ впервые, у Срезневского их нет. Это в значительной степени объясняло и извиняло некоторую кумуляцию неуверенных, не всегда точных толкований, а порой — их отсутствие: автор вступал в зону неизвестного или малоизвестного материала, шёл ещё не проторёнными путями. Поскольку я ниже предпринимаю некоторые уточнения и предлагаю отдельные свои толкования, я хотел бы специально подчеркнуть, что и то и другое сделалось возможным благодаря немалой предварительной критической работе, проделанной нашим автором. Большинство примеров — на *не-* приставочные:

небездѣльно, нареч. (?). Ему же [Богу] и небездѣльно бѣ бесѣdua... (ϛ̅ καὶ ἀμέσως ἐτύχανε οὐκ ἔλδν). (Ж. Феод. Студ.) Выг. сб. ... (СлРЯ ..., в. 11, 10). — Считаю, что слово значило ‘непосредственно’, как это подтверждает и греческий эквивалент ἀμέσως (проверено по: Diccionario griego-español. Volumen II. Red. de Fr. R. Adrados. Madrid, 1986, 192: ἀμεσος... adv. -ως directa, inmediatamente, sin término medio), между прочим, именно с этим эквивалентом соотнесено само слово *непосредственно* в рукописном переводе Сильвестра Медведова со словаря Герасима Влаха, как точно дано у Шаламовой (СлРЯ..., в. 11, 230).

небышаций, прил. Мнимый, ложный... Шестоднев Ио. екз. (СлРЯ..., в. 11, 26). — Судя по редкой грамматической форме *ptc. futuri* с отрицанием, здесь уместнее толкование ‘несбыточный, которому не суждено сбыться’ (Инструкция 1988²³, с. 22, специально упоминается прич. *бышаций*. Будущий, который будет).

[л. 10] *недѣльный*³, прил. Не оборудованный (для чего-л.). А бортовых дѣльных и недѣльных деревь, которые в дѣло пригодятца, не сечь... (СлРЯ..., в. 11, 73). — Ясно, пожалуй, что здесь представлено прежде всего производное от *дѣль*², ж. Устройство в виде углубления в бортном дереве для пчел (СлРЯ..., в. 4, 209). Значит, точнее: *недѣльный*, прил. Не снабженный делью (о бортном дереве)... см. *дѣль*², *дѣльный*¹ (знач. 2).

недохожий, прил. Недостающий (?)... взято въ его великого государя казну за недохожие дворы... (СлРЯ..., в. 11, 104). — В любом случае при толковании необходимо опираться на ближайшую связь *недохожий* — *недоходъ*, м. То, что недополучено из ожидаемого, полагающегося (Там же, выше).

нежеголь, ж. Высохшая на корню, нескошенная трава. Осеннюю траву нежеголь подкосить... и ту нежеголь велет(ь) зажечь... (СлРЯ..., в. 11, 111). — Толкование, кажется, должно быть ‘несоженная трава’. Ср. аналогичное по значению русск. диал. *непаль* (по рукописи ЭССЯ).

неизнуренный, прил. Неприкосновенный... неизнурено цѣломудрье... (ѣсѣлов). Хрон. Г. Амарт. ... (СлРЯ..., в. 11, 130). — Более точным кажется толкование ‘неоскверненный’.

немастьный, прил. (?). И преже молитъс(я) иерѣи пици немастьнѣ суци чѣстѣ (ѣвѣнѣс). Хрон. Г. Амарт. (СлРЯ..., в. —11, 167). — В любом случае значение этого прилагательного не оставляет никаких сомнений: речь идет о ‘нежирной, нескоромной, постной’ пище. Есть и в других славянских языках, ср. ст.-чеш. *nemastný*.

неявочный, прил. Изготовленный тайно, без разрешения властей и без уплаты пошлин (СлРЯ..., в. 11, 361). — В толковании этого слова XVII века невольно привносятся [л. 11] элементы толкования

²³ [Инструкция 1988: 22].

цитаты, довольно длинной, где говорится о наказуемости «неявочного питания». Можно экономнее и точнее — одним словом ‘неофициальный’. Здесь, возможно, не обошлось без польского влияния: *jawny* ‘публичный, официальный’ — *niejawny*. Ср. и нем. *öffentlich* ‘публичный, официальный’.

Прочие замечания по толкованию значений слов:

невещный, прил. Не имеющий под собой материальной основы (?). ... стѣнь невещныи (в греч. αἰ σκιαὶ τῶν πραγμάτων). Пч. ... (СлРЯ..., в. 11, 43). — Не вполне удачная, неуверенная формулировка толкования отчасти навеяна приблизительным характером толкования у Срезневского (II, 360): ‘духовный, не материальный’²⁴, отчасти же — «творческим», свободным характером славянского перевода с греч. («тени вещей», которые пугают «мужей некрепких»). Правильнее здесь было бы: ‘бесплотный’, ‘бесплотная тень’²⁵.

невъсобленный, прил. Беспочвенный, несуществующий. Бѣдѣщу тѣлу мѣчьтъ есть невъсобленое видѣние (ἀνυλόστατος). Ио.Леств. ... (СлРЯ..., в. 11, 62). — Думается, что здесь мы имеем дело со значением, тождественным или очень близким предыдущему: речь идет о ‘бесплотном’ видении.

негородьба, ж. Непостройка ограждений ... (СлРЯ..., в. 11, 69). — Очевидно, здесь автора подвёл стиль.

недоживъ, м. Преждевременное оставление работником дома или хозяйства... А будетъ онъ ... не доживъ до сроку прочь отойдетъ... (СлРЯ..., в. 11, 83). — Здесь, конечно, налицо деепричастие, и надо бы отграничить этот пример от следующего (... за недоживъ дватцать рублевъ...) ²⁶ [л. 12], где мы имеем дело с субстантивацией предыдущего.

²⁴ Так! У Срезневского отдельно.

²⁵ Наверное, подразумевалось пояснение в скобках: (о бесплотной тени).

²⁶ В использованной цитате за формой «не доживъ» чуть ниже — «за недоживъ». Без сомнения, автор, А. Н. Шаламова, понимала, что «не доживъ» — это деепричастие; О. Н. Трубочев, видимо, хотел сказать, что неудачно воспроизводить эти лексемы в одной цитате.

немагание, с. Невозможность. От... немагания начинанье блудных избѣгнути (ἐκ τοῦ μὴ δύνασθαι). Хрон. Г. Амарт. (СлРЯ ..., в. 11, 167). — Решающим для толкования здесь представляется значение мотивирующего глагола *немагати*. Быть больным, болеть (СлРЯ ... Там же) или *немагатися*. Ослабевать (Там же). Так что скорее ‘недомогание, слабость’. У Срезневского точнее: ‘немошь, слабость’.

непотлаченная, в знач. сущ. ж.р. Тропинка, дорожка. Стъзу мою и непотлаченную мою ты еси ислѣдовалъ (τὴν σχοῖνόν μου). (Псалт. ...) (СлРЯ ..., в. 11, 235).

непотлачено, с. Тропинка, дорожка (СлРЯ ... Там же).

непротлаченная, ж. Тропинка, дорожка (СлРЯ ..., в. 11, 259). — Здесь имеет место явное поэтическое противопоставление, с целью усиления ‘стези’ и ‘(еще) не протоптанной, непроторѣнной (дороги)’, ‘бездорожья’, что и следовало отразить в толковании. Ср. у автора правильно: *непротлачение*, с. Неровность, неторность... (τραχύτητα). Гр. Наз. (СлРЯ ..., в. 11, 259); *нетлачный*, прил. Непроторѣнный, неторный (СлРЯ ..., в. 11, 319).

неразличнѣ, нареч. Безразлично. Сие имя Елоим неразличнѣ приемлѣтся (indifferenter) (СлРЯ ..., в. 11, 266). Это толкование, кажется, могло бы послужить поводом для недоразумений, в частности богословских: безразлично — о Боге? Старинный смысл цитаты, очевидно, относился к специфике толкуемого древнееврейского слова, которое, будучи формально плюралем на *-im* ‘боги’, [л. 13] должно было пониматься ‘неразрывно, неделимо’ — ‘Бог’.

нехудожнѣ, нареч. Передача греч. ἀτεχνῶς ‘совершенно’, ‘вполне’. И дѣши нехудожнѣ ищѣление творя (ἀτεχνῶς) (Ж.Феод.Студ.) Выг.сб. (СлРЯ ..., в. 11, 345). — Здесь стоило, по-видимому, ориентироваться на другие значения греческого эквивалента, более соответствующие славянскому слову: ‘безыскусно, просто’.

нурѣти. Открываться (?). Слова дѣльма нурѣть срѣдце наше (σολᾶται). (Ефр.Сир.)... (СлРЯ ..., в. 11, 448). — Всѣ-таки здесь нужно было критичнее отнестись к Срезневскому, который даёт ‘открываться’ даже без вопросительного знака, и прежде всего основываться на тесном родстве и грамматической связи глагола на *-ѣти*

нурѣти и глагола на *-ити нурити*. Отсюда *нурѣти* — ‘истощаться’. Что не противоречит нисколько и греческому эквиваленту.

пучина, ж. 1. Выпуклость... (ventrem)... 2. Море (тж. образно); открытое море; водный простор вдали от берегов, глубина, пучина... Пучина морская — море; глубина моря... 3. Бездна, безмерность, беспредельность... 4. Залив... 5. Брюхо, живот... (СлРЯ ..., в. 21, 70–71). — Здесь хотелось бы воспользоваться случаем и попытаться развеять заблуждение, базирующееся на неточном словоупотреблении, будто пучина — это ‘глубина (моря)’. Слово *пучина* очень точно передает образ моря, видимого с некоторого расстояния как вздымающаяся гладь. Эта этимологическая семантика слова *пучина* прекрасно прослеживается по данным рецензируемого словаря, ср. помещённое следом слово *пучитися*. Вздыматься, наполняться (СлРЯ ..., в. 21, 71), [л. 14] что всё вместе содержит как бы резерв внутренней реконструкции, иначе говоря — обеспечивает нам возможность наблюдать практически комплектную историю слова, не выходя за рамки СлРЯ (ниже мы еще специально будем говорить о подобных открывающихся перед нами преимуществах именно на материале вып. 21; что касается семантического развития ‘море’ ← ‘пучина, выпуклое’, оно известно и из других языков).

Как и в каждом словаре, в любой лексикологической и лексикографической практике, при работе по описанию значений мы неизменно прибегаем к этой перспективной виноградовской градации: значение ~ употребление²⁷. В лексикографическом варианте на ней в немалой степени должны, очевидно, базироваться решения проблемы отдельности слова, resp. словарной статьи. Такой проблематичный пример статьи, как бы «распадающейся» изнутри, поскольку ее значения 1, 2 слишком самостоятельны, чем это бывает, скажем, с употреблениями одного словозначения, отметим для *небесникъ*, м. 1. Небожитель... 2. Свод (ср. греч. οὐρανίσκος в знач.

²⁷ О. Н. Трубочев имеет в виду работу В. В. Виноградова «Основные типы лексических значений слова» [Виноградов 1977: 182]. За указание на соответствующее место в этом труде В. В. Виноградова выражаю благодарность И. Г. Дობродому.

‘балдахин’ и ‘нёбо’). А еже над языком, то то другое нбо... тѣмъ бо елени тому глѹють нбсьникъ (οὐρανίσκος καλεῖται). Шестоднев Ио. екз. ... (СлРЯ ..., в. 11, 11).

Обсуждая технику описания значений, мы неизбежно приходим к проблеме разграничения / применения, с одной стороны, того, что называется «метаязыком описания», с другой стороны, — того, что является прямым переводом. Справедливо, конечно, что словари толкового типа — это вершина лексикографии, но проистекающая отсюда тенденция, даже — культ, толковых дефиниций, претендующих [л. 15] на энциклопедическую абсолютность, во всяком случае — на то, что можно было бы назвать «метаязыком описания», с этой установкой на полное исключение двусмысленности (*disambiguation*) и с этим практическим итогом крайней неэкономичности и ненужной замысловатости — всё это уже, скорее, негативные последствия. Следует иметь в виду, что подобная многословность толкований толковых словарей — вынужденная их особенность, и её разумно было бы при первой возможности избегать. Перейду к примерам.

новоселье, с. Празднество по случаю переселения на новое место, в новое жилище... (СлРЯ ..., в. 11, 410). — Вполне адекватно было бы и даже читалось бы без лишнего напряжения, по-моему: *новоселье*, с. Новоселье.

новый, прил. 1. Такой, который пришёл (приходит, придёт) на смену старому или возник недавно (возникает, возникнет впервые)... (СлРЯ ..., в. 11, 413). — Вполне без ущерба можно было применить однословный перевод: *новый*, прил. Новый (орр. к старый, ветхий).

*пустити*¹. 1. Перестав удерживать, дать возможность свободно двигаться (идти, бежать, течь, плыть, катиться, падать и т. п.); заставить идти, течь, двигаться ... (СлРЯ ..., в. 21, 49). — Практика двуязычного переводного словаря была бы в данном случае как нельзя больше подходящей и экономной: *пустити*¹. Пустить.

Редактируя наш Этимологический словарь славянских языков, я стараюсь по мере возможностей сдерживать эту составительскую тенденцию — передавать слово в слово порой четырёх-пятистрочные дефиниции толковых словарей разных славянских языков, исходя

именно из этих соображений практически более удобного опыта переводной лексикографии.

Разумеется, не всё так просто и однозначно; [л. 16] иногда, чтобы быть понятным, нужно бывает сменить лаконизм на некоторый минимум подробности, как в случае:

разговѣтися (роз-). Разговеться (СлРЯ ..., в. 21, 171). — Некоторая расшифровка, тем более — для современного, не слишком сведущего, читателя, здесь бы не помешала: Перестать говеть (поститься), отдавая скоромной пищи.

Вместе с тем, говоря о семантической схеме словарных статей, мы не можем не прийти к выводу о чрезвычайной разработанности этой схемы именно трудами А. Н. Шаламовой, благодаря которой мы наблюдаем новый уровень нашей исторической лексикографии. Считаю полезным привести здесь довольно много соответствующих примеров из словарных партий нашего автора.

Носити. 1. Носить (перемещать, неся). 2. Определять чьё-л. движение, чьи-л. действия; перен. влечь, побуждать. 3. Носить в себе, вынашивать (младенца). 4. Выносить, уносить. 5. Перевозить вьюками. 6. Иметь при себе, носить или возить с собой. 7. Приносить, давать, доставлять. 8. Держать, поддерживать, служить опорой (тж. перен.). 9. Переносить, терпеть. 10. Воспринимать, постигать. 11. Подвергаться чему-л. 12. Иметь. 13. Быть одетым во что-л., иметь что-л. на себе в качестве отличительного знака, украшения и т. п. 14. Выносить, произносить (решение, приговор). 15. Вынашивать (ловчую птицу) (СлРЯ ..., в. 11, 425–427). — И хотя некоторые из рубрик этой семантической схемы как бы тавтологичны, напр. значения 6 и 13 (иметь при себе, носить или возить с собой ~ Быть одетым во что-л., иметь что-л. на себе...) [л. 17] или же чересчур дробны, будучи, скорее, лишь употреблениями более общих значений в смысле известного виноградовского противопоставления²⁸, всё же детальность разработки, конечно, здесь велика.

нужа... — пятнадцать семантических рубрик (СлРЯ ..., в. 11, 440–441).

²⁸ См. предыдущую сноску.

прочный (-ий), прил. 1. Остальной; иной, другой, прочий. 2. В знач. сущ. *Прочная*, мн. Остальное. 3. Будущий, следующий. 4. В знач. сущ. *Прочнее*, с. и *Прочная*, мн. Будущее; то, что следует далее по порядку. 5. Такой, на который можно рассчитывать в будущем, надёжный, прочный. 6. Годный, пригодный для использования в будущем, соответствующий предназначению. 7. Такой, на которого можно положиться, верный, надёжный (о человеке). 8. Такой, который не поддается быстрому разрушению, крепкий, прочный (СлРЯ..., в. 21, 9). — Внимательное чтение убеждает нас, что перед нами хороший пример истории слова в историческом словаре, тогда как в «Материалах» Срезневского на эту тему даны как бы лишь предварительные наброски. Вообще, я думаю, новый выпуск, 21-й, особенно выделяется этой тщательностью разработки именно семантики, динамики и подчас почти комплектной глубины семантической эволюции слов, что отнюдь не является легковывполнимой задачей и далеко не всегда достижимо в ограниченных рамках письменной истории.

*птичь*², м. 1. Птица. 2. В знач. собир. Птицы. 3. Детеныш. Птичь лвовъ Июда (σκύμνος). Быт. XLIX, 9 (СлРЯ..., в. 21, 39). — В этой статье (сюда и *птиць*. Там же) история слова выглядит особенно пластично, вплоть [л. 18] до собственно этимологии, для которой в случае с этим словом решающее значение имеет именно это последнее — ‘детёныш (вообще)’ (в примерах — лвов, медвежий), в традиционной же этимологизации это, как правило, смазано, на первое место выставляются значения в связи с ‘птицей’, ‘яйцо’, что как раз не первично.

Исключительно тщательно детализировано семантическое описание слова *пустити*¹ — 19 рубрик (СлРЯ..., в. 21, 49–51), которое вместе с *пустити*². Опустошать: ... да не пустять волости нашае. Переясл. лет., 99 (Там же) — охватывает, в сущности, средствами словаря всю историю слова, вплоть до этимологических начал: трактуемое здесь как омоним *пустити*² ‘сделать пустым’ есть лишь древняя ипостась *пустити*¹ во всем многообразии его значений.

развести 1–12 и *развестися* 1–7 (СлРЯ..., в. 21, 149–151) также выглядят весьма проработанными со стороны семантики.

разводъ (*роз-*) 1–13 (СлРЯ..., в. 21, 153–154) — статья с тщательно препарированными тринадцатью рубриками соответствующего количества значений (употреблений), среди которых нет только главного современного. Зато в следующем затем *разводити* (*роз-*) в качестве значения 2 дано: Разводить (супругов), расторгать брак (чей-л.). ... Стоглав (СлРЯ..., в. 21, 154–155).

Всё это может быть повторено (о детальной разработанности словарных статей, с пластической подачей семантики слов) и применительно к *разойтися* 1–9 (СлРЯ..., в. 21, 234), *разрѣшати* 1–10 (СлРЯ..., в. 21, 240–241), *разрѣшити* 1–12 (СлРЯ..., в. 21, 242–243).

[л. 19] История слов — как нам представляет её историческая лексикография — даёт возможность не только установления контекстов эволюции лексических значений, но и документации драматических утрат отдельных звеньев, а также осязаемого разрушения целых словарных гнезд. Такие равно интересные и для лексикологии, и для лексикографии случаи есть и в обследованных партиях словаря.

Случай, когда для более полного представления о словарном гнезде могут быть использованы резервы внутренней реконструкции парадигматического характера, наблюдается в форме *ношебный*, прил. Носильный (СлРЯ..., в. 11, 434), у Срезневского, кстати, не отмеченной, очевидно производной от имени **ношьба*, **носьба*, не отмеченной нигде.

Другой любопытный пример — слово, отделившееся от своего словообразовательного гнезда вследствие затемняющего изменения, — *разумъ*², м. Мясной рынок. ... акы агньци в разумѣ висящее (ἐν μακέλλῳ). ВМЧ..., XVI в. (СлРЯ..., в. 21, 251). Столь же внешне темно синонимичное *разумница*, ж. Мясной или вообще продовольственный рынок. Все продаваемо въ разумници ѣдите (ἐν μακέλλῳ). (1 Кор. X, 25) Апост. (СлРЯ..., в. 21, 257), и только вариант *раземница* (*разъмница*) (СлРЯ..., в. 21, 197)²⁹ показывает, что мы имеем дело с первоначальным **разъмь* (*раз-ъмь*) ‘разделка, разделочное место’.

²⁹ На связь этих форм указано в «Материалах» И. И. Срезневского: *разъмница* [Срезневский III: 41]; *разоумница* [Срезневский III: 55].

И, может быть, самый интересный факт такого рода изменений вплоть до забвения предстает перед нами в виде нескольких лексем, обозначавших в древнерусском языке пищеварение: *ноение* (*гноение*), с. Пищеварение, [л. 20] переваривание пищи... Ноение брашну наводить. Травник Любч., 82. XVII в. ~ 1534 г. ... И то вино ... стомахъ укрѣпляетъ и гноение жолудку творить. Там же (СлРЯ..., в. 11, 417). Сюда же с отрицанием: *неноение*, с. Несварение, недостаточность пищеварительной способности. Сырь... неноение творить стомаху. Травник Любч., 263 (СлРЯ..., в. 11, 188). Далее — *ныти* и [*ноити* или *нояти*] (*ноети*). Переварить пищу (о желудке). Уксусъ единъ приятно вредително есть тѣмъ стомахом которые не нѣютъ, понеже послѣ того одинаго пріятия пуше не станет нѣети (СлРЯ..., в. 11, 453). Наконец, сюда же *разноити* (с затемнённым вариантом *раздноити*) и семантической пометой «знач. неясно» (СлРЯ..., в. 21, 227): Вниде ему во узга язя неисъцѣл(ь)ная, нарицаемая студеница, и нача раздноити (βρόσκεσθαι). ВМЧ, Апр. ... XVI в. Оба вторичных варианта, приводимые выше, — *гноение* и *раздноити* — имеют, очевидно, природу ложной адидеации, народной этимологии и к первоначальному происхождению отношения не имеют. Так что этимологически авторитетными остаются только *ноение* / *неноение*, *ныти* / *ноети*. Эти древнерусские физиологические термины (ср. сюда ещё *ноительный*, прил. Способный переваривать пищу (о желудке); поддающийся перевариванию (о пище)... Орѣхи не скоро суть ноителны, но блевание творять. Травник Любч. СлРЯ..., в. 11, 420) оставались как бы в тени, выпав не только из лексикона нового времени, но и из научных словарей. Слова *ноение* не знают [л. 21] ни этимологический словарь М. Фасмера, ни историко-этимологический словарь П. Я. Черныха. Ясно — по какой причине: этого слова нет у Срезневского. Собственно говоря, особых этимологических проблем наше слово не представляет; если снять явно вторичное народноэтимологическое осмысление с *гноити* (*гноение* — выше), ясно, что *ноение* относится к гнезду глагола *ныти*, будучи закономерным русским развитием первоначальной фонетической формы **ныение*, и оно могло бы найти своё место в статье о слове *ныть*, *ноу* соответствующих этимологических словарей. Всё дело в семантическом развитии данного

термина для ‘пищеварения’, которое, очевидно, требовало специального исследования и необходимых типологических аналогий. Здесь терминологии ‘пищеварения’, похоже, не очень повезло: в известный словарь по истории идей в ряде индоевропейских языков Бака³⁰ она не попала ввиду неполноты словаря. Приходится подыскивать типологические аналогии самим. В обозначениях ‘пищеварения’ преобладает местная лексика вторичного использования: русск. *переваривать* ~ *варить*, нем. *verdauen* — от глагольной лексики ‘разжижать, растапливать’ (по данным словаря Клюге³¹). Определенная семантическая близость между семемами ‘переваривать пищу’ и ‘томить, морить’, которая оправдывала бы включение в эту сферу глагола *ныть* с его семантикой ‘боли’, ‘тоски’, ‘(у)томления’ и — в производных — даже ‘смерти’, всё же нащупывается и находит выход в разных формах (заморить червячка). Так что перед нами — ещё одна страничка из истории русского словарного состава в его значениях, заполненная благодаря словарной деятельности [л. 22] А. Н. Шаламовой.

Понятно, что реконструкция в историческом словаре преследует свои совершенно конкретные вспомогательные цели — главным образом парадигматической реконструкции с задачей установления основной, исходной, заголовочной — номинативной или инфинитивной — формы, что на базе дефектно засвидетельствованной парадигмы может сохранять элемент гипотетичности (откуда авторские квадратные скобки). Сходные процедуры реконструкции, вынужденно применяемые в историческом словаре в подобных ситуациях, описывал И. Немец по опыту своей работы в чешской исторической лексикографии³². Понятно, что доля (и ответственность) реконструкции в словаре праязыковом, каким задуман Этимологический словарь славянских языков, совсем другая. Между прочим, в ходе этой реконструкции в ЭССЯ отобраны и включены на правах заглавных слов довольно многочисленные сложения с отрицанием *ne-*, которые

³⁰ [Buck 1949].

³¹ [Kluge 1881–1883].

³² Вероятно, автор имеет в виду пассаж на с. 22 в работе [Němec 1980].

могут быть отнесены к важным архаизмам — как собственно (пра)-славянского образования, так и индоевропейского наследия, представляющим исключительный лингвистический, а также культурно-исторический интерес. Из них только назову, не имея возможности здесь давать подробности: **nebasъ*, **nebo* / **nebes-?*, **neješyть*, **neptyjь* (и.-е. **neptijos*), **nerędъ*, **neukъ*, **nevęsta*, **nevęgolsъ*, **neznabogъ*, **nědro* (и.-е. **ne-ed-*), **něть* (**ne-ьть?*).

Научная реконструкция остро нуждается в проверочных критериях. Лучшие из них — те, которые представляет сам язык в моделях, бесконечно воспроизводимых [л. 23] им на протяжении истории. Тонкий анализ одной такой ситуации позволим себе привести из «Доклада» А. Н. Шаламовой (с. 12)³³: «...и частица *не* в предложении могла предшествовать союзу *и* (по крайней мере, в языке архаического, книжно-славянского типа): тоже *не* и самъ приде изгнать мя... (каі оўте)» (Усп. сб.)... «Результатом стяжения сочетания *не* и *ли* ‘а разве не’, засвидетельствованного в Ио. екз. Бог., 327, по-видимому, является вопросительная частица *нили* ‘а разве не’. (...)»³⁴

А. Н. Шаламова логически точно и самостоятельно, используя эти доступные резервы внутренней реконструкции, приходит к существенному выводу, пусть и известному уже в компаративистике, а именно — что «...*ни* в качестве перечислительного союза в отрицательных предложениях и в качестве усилительно-отрицательной частицы явилось результатом слияния отрицательной частицы *не* с последующим *и*»³⁵ (ЭССЯ, s. v. **ni*, в печ.³⁶).

Весьма своеобразной представляется проблема слитности написания *не-* (*не-* как приставка) в рецензируемом словаре, как, впрочем, и в других. Слитность при этом нисколько не стесняет подвижности

³³ [Шаламова 1996: 15] — здесь снова разница в пагинации, свидетельствующая, как уже было сказано выше, о том, что О. Н. Трубачев при подготовке отзыва работал с более ранней версией доклада Шаламовой.

³⁴ Далее опущена фраза, повторенная автором ниже.

³⁵ [Шаламова 1996: 15].

³⁶ Соответствующую информацию см. в опубликованном позже выпуске «Этимологического словаря славянских языков» [ЭССЯ 25, 1999: 106–107].

этого *не-*, причём как в глагольной лексике [л. 24] (*невзберечи* ~ *вознебреди*, СлРЯ..., в. 11, 44³⁷), так и в именной (*неотдача*: не въ отдачь... СлРЯ..., в. 11, 203). Разумеется, слитное написание гарантирует слову, особенно глагольному, твёрдую алфавитную позицию, ср. *неоправдиту* (СлРЯ..., в. 11, 199), *нечути* (СлРЯ..., в. 11, 358), в остальном это достаточно условно³⁸. Как парадокс можно назвать положение в чешском и русском, где существуют две противоположные орфографические традиции — в чешском отрицание *не-* при глаголах трактуется в принципе как приставка, пишется слитно, в русском отрицательное *не-* выступает как приставка (*не-*) при именах, а при глаголах *не* в огромном большинстве — как частица (пишется отдельно), но с точки зрения чешской лексикографии приглагольное *не-* как бы игнорируется и в словари в большинстве случаев не включается, как и в русском, с теми же исключениями, что и в русской лексикографии: в словарь попадают отрицательные глаголы без позитивного коррелята, этимологические случаи, как в русском: *nenávidět* ~ *небрежничать*, *ненавидеть*.

Тем самым мы коснулись материй уже собственно филологических, и это тем более оправданно, что А. Н. Шаламова постоянно имеет в виду эти аспекты своего словарного слова, многое уточняет и внимательно учитывает другие уточнения из области филологии и текстологии, поступающие в научный обиход. Главные проблемы, с которыми имеет здесь дело лексикограф, известны: свести до минимума количество искусственных, неподтверждённых форм, из которых отдельные нашли себе [л. 25] место ещё в «Материалах» Срезневского. Не забыта при этом и уникальная сложность амальгамы русского и церковнославянского, составляющей существо (древне)-

³⁷ В цитате из Ипатьевской летописи, приведенной в словарной статье, раздельное написание этого глагола: «не възберегоша» [СлРЯ XI–XVII вв. 11: 44].

³⁸ При подготовке материала на *не-* в СлРЯ XI–XVII вв. А. Н. Шаламова учитывала соответствие в оригиналах переводных памятников: решающим аргументом в пользу слитного написания было наличие в греческом оригинале отрицательной приставки *ἀ-*. Например, в словарной статье *неоправдиту* (в первой цитате) — τοῦ ἀδικῆσαι.

русской письменной традиции. Отсюда столь частая вариантность форм. В поле зрения автора — вся письменная история русского, до самой современности, ср. тонкие наблюдения о мнимой изначальной двухприставочности современных *рассказать* и *расспрашивать*, которые в самом деле выглядят избыточным орфографизмом при взгляде на них из древнерусской ретроспективы, ср. там устойчиво одноприставочные *расказати*, *расказъ*, *распрашивати*, *распрось*.

В целом перед нами труд многоопытного, строгого, можно сказать даже — сурового, исследователя, настоящего лексикографа-профессионала, специалиста по русской филологии. Известный афористичностью своих суждений, академик В. В. Виноградов, помнится, высказал своё кредо о лексикографе (я помню это его высказывание в устной форме, прозвучавшей в стенах Института русского языка, даже точнее — в этом конференц-зале): «Кого назову я лексикографом? — Лексикографом я назову того, кто даст определение пятидесяти слов...»

Вынося заключение о выполненной А. Н. Шаламовой словарной работе, мы не можем не признать, что она отвечает (множественно) и этому требованию, и всем самым строгим требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям, сама же Анна Николаевна Шаламова давно и вполне заслуживает присуждения ей ученой степени доктора филологических наук по соответствующей специальности.

8 декабря 1995 г. — О. Н. Трубочёв

Литература

- Виноградов 1977 — В. В. Виноградов. Основные типы лексических значений слова // В. В. Виноградов. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977.
- Трубочев 1984 — О. Н. Трубочев. Историческая и этимологическая лексикография // Г. А. Богатова, Г. Я. Романова (ред.). Теория и история русской исторической лексикографии. М.: Наука, 1984. С. 23–36.
- Трубочев 2004 — О. Н. Трубочев. Историческая и этимологическая лексикография // О. Н. Трубочев. Труды по этимологии. Слово. История. Культура. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 406–421.

- Трубачев 2009 — Г. А. Богатова, А. К. Шапошников (сост.). Академик Олег Николаевич Трубачев. Очерки. Материалы. Воспоминания. М.: Наука, 2009.
- Чернышева 2003 — М. И. Чернышева. Олег Николаевич Трубачев и наше поколение. Из воспоминаний // Вопросы языкознания. 2003. № 1. С. 30–36.
- Чернышева 2020 — М. И. Чернышева. Итоги 45-летнего издания «Словаря русского языка XI–XVII вв.» // Южнославянский филолог. 2020. Кн. 76. Св. 1. С. 9–40.
- Шаламов и др. 1983 — Я. Я. Шаламов и др. Статистическая обработка словарей как метод исследования языка // В. П. Григорьев (отв. ред.). Проблемы структурной лингвистики — 1981. М.: Наука, 1983. С. 66–82.
- Шаламова 1985 — А. Н. Шаламова. Подвижность приставки *не-* в древнерусском языке (по письменным памятникам XI–XVII вв.) // Ю. Н. Караулов (отв. ред.). Восточные славяне: Языки, история, культура. М.: Наука, 1985. С. 142–146.
- Шаламова 1986 — А. Н. Шаламова. Семантика и структура определительных словосочетаний в древне- и старорусском языке // Вопросы языкознания. 1986. № 2. С. 101–105.
- Шаламова 1989 — А. Н. Шаламова. Старорусское *дополна* и его связи // Советское славяноведение. 1989. № 5. С. 67–78.
- Шаламова 1996 — А. Н. Шаламова. Словарь русского языка XI–XVII вв.: проблемы и результаты (на материале двух авторских томов). Дисс. ... доктора филол. наук. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 1996.
- Němec 1980 — I. Němec. Rekonstrukce lexikálního vývoje. Praha: Academia, 1980.

Источники

- Инструкция 1988 — Инструкция для составителей Словаря русского языка XI–XVII вв. М.: Институт русского языка АН СССР, 1988.
- СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1 — 31-. М.; СПб.: Наука, Азбуковник, Нестор-История, ЛЕКСРУС, 1975 — 2019-.
- Срезневский — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I–III. СПб.: тип. Имп. Академии наук, 1893–1912.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Т. 1–49-. М.; Л., СПб.: Наука, 1965–2019-.
- Старославянский словарь — Р. М. Цейтлин, Р. Вечерка и Э. Благова (ред.). Старославянский словарь. М.: Русский язык, 1994.

- Тупиков 1903 — Н. М. Тупиков. Словарь древне-русских личных собственных именъ / СПб.: тип. И. Н. Скороходова, 1903.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Пра斯拉вянский лексический фонд, 1–41–. М.: Наука, 1974–2018–.
- Buck 1949 — С. D. Buck. A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages: A Contribution to the History of Ideas. Chicago: University of Chicago Press, 1949.
- Kluge 1881–1883 — Fr. Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Strassburg: Karl J. Trüber, 1881–1883 (1-е изд.).
- Němec 1980 — I. Němec. Rekonstrukce lexikálního vývoje. Praha: Academia, 1980.

References

- Chernysheva 2003 — М. И. Chernysheva. Oleg Nikolaevich Trubachyov i nashe pokoleniye. Iz vospominaniy [Oleg Nikolaevich Trubachyov and our generation. From the memories]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 2003. No. 1. P. 30–36.
- Chernysheva 2020 — М. И. Chernysheva. Itogi 45-letnego izdaniya “Slovyara russkogo yazyka XI–XVII vv.” [Results of the 45th-year edition of the “Dictionary of the Russian language of the XIth–XVIIth centuries”]. *Yuzhnoslovenski filolog*. 2020. Vol. 76 (1). P. 9–40.
- Němec 1980 — I. Němec. Rekonstrukce lexikálního vývoje. Praha: Academia, 1980.
- Shalamov et al. 1983 — Ya. Ya. Shalamov i dr. Statisticheskaya obrabotka slovarey kak metod issledovaniya yazyka [Statistical processing of dictionaries as a method of language research]. *Problemy strukturnoy lingvistiki. 1981* [Problems of structural linguistics. 1981]. Moscow: Nauka, 1983. P. 66–82.
- Shalamova 1985 — А. N. Shalamova. Podvizhnost' pristinavki *ne-* v drevnerusskom yazyke (po pis'mennym pamyatnikam XI–XVII vv.) [Mobility of the prefix *ne-* in the Old Russian language (according to written monuments of the XIth–XVIIth centuries)]. *Vostochnye slavyane: yazyki, istoriya, kul'tura* [Eastern Slavs: languages, history, culture]. Yu. N. Karaulov (ed.). Moscow: Nauka, 1985. P. 142–146.
- Shalamova 1986 — А. N. Shalamova. Semantika i struktura opredelitel'nykh slovosochetaniy v drevne- i starorussskom yazyke [Semantics and structure of determinative phrases in the Old and medieval Russian language]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 1986. No. 2. P. 101–105.
- Shalamova 1989 — А. N. Shalamova. Starorussskoye *dopolna* i yego svyazi [The Medieval Russian *dopolna* and its connections]. *Sovetskoye slavyanovedeniye*. 1989. No. 5. P. 67–78.

- Shalamova 1996 — A. N. Shalamova. Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.: problemy i rezul'taty (na materiale dvukh avtorskikh tomov) ["Dictionary of the Russian language of the XIth–XVIIth centuries": problems and results (based on the material of two author's volumes)]. Doctoral thesis. Moscow: V. V. Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, 1996.
- Trubachyov 1984 — O. N. Trubachyov. Istoricheskaya i etimologicheskaya leksikografiya [Historical and etymological lexicography]. *Teoriya i istoriya russkoy istoricheskoy leksikografii* [Theory and history of the Russian historical lexicography]. Moscow: Nauka, 1984. P. 23–36.
- Trubachyov 2004 — O. N. Trubachev. Istoricheskaya i etimologicheskaya leksikografiya [Historical and etymological lexicography]. G. A. Bogatova, G. Ya. Romanova (eds.). O. N. Trubachev. *Trudy po etimologii. Slovo. Istoriya. Kultura* [The Works on etymology. Word. History. Culture]. Vol. 1. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2004. P. 406–421.
- Trubachev 2009 — G. A. Bogatova, G. Ya. Romanova (comp.). *Academic Oleg Nikolaevich Trubachev. Ocherki. Materialy. Vospominaniya* [Academician Oleg Nikolaevich Trubachyov. Essays. Materials. Memories]. Moscow: Nauka, 2009.
- Vinogradov 1977 — V. V. Vinogradov. Osnovnye tipy leksicheskikh znacheniy slova [The main types of lexical meanings of the word]. V. V. Vinogradov. *Leksikologiya i leksikografiya*. [Lexicology and lexicography]. Moscow: Nauka, 1977.